

Учения о законе: практическая ценность

Лукиянова Е.Г.,

кандидат юридических наук, доцент,
старший научный сотрудник
Института государства и права РАН
E-mail: lukelena@mail.ru

Аннотация. В статье предпринята попытка показать роль социальной доктрины на примере учения о законе в развитии государства и общества. Показаны критический (оценочный) и конструктивистский потенциалы формальной и материальной концепций закона, разработанных в русской юриспруденции.

Ключевые слова: учения о законе, понятие и признаки закона, формальная теория закона, материальная теория закона, практическая ценность научного знания.

Одним из важнейших атрибутов нашей социальной и индивидуальной жизни выступает закон. Человеку, живущему полноценной жизнью, приходится сталкиваться с законом или тем, что называют таковым, довольно часто, и чуть менее часто такие столкновения влекут для него негативные последствия. Учитывая, что закон, за которым стоит государственно-властное принуждение, эффективный и удобный (например, в отличие от банального насилия и произвольного принуждения, которые легко могут встретить противодействие в виде ответного насилия) инструмент для влияния на поведение людей, более чем логично его использование отдельными лицами и группами лиц не по прямому назначению, а в своих личных, корыстных и иных целях. Закон, так же как и другие социальные и индивидуальные ценности, например правовые и моральные, использовался и используется как камуфляж для маскировки и оправдания интересов и действий прямо противоположного характера. Данные обстоятельства, сопровождающие историю человечества, конечно же, не дают теоретических оснований подменять существо правовых и моральных ценностей (права, закона, морали) на прямо противоположное или какое-либо иное, однако, следует предположить, что такие попытки должны иметь место и на теоретическом уровне, выступая последовательным продолжением неправовой и аморальной практики. Так формируется ненаучная система идей и взглядов, идеология или доктрина, служащая оправданию и обоснованию соответствующей практики, при этом претендующая на истинность и научность. Однако вопрос об истинности или ложности системы социальных идей — это вопрос другого исследования, задача же данной статьи — показать роль социальной идеологии или доктрины на примере учения о законе, в развитии государства и общества, другими словами, практическую ценность учений о законе. Для этого необходимо обратиться к обзору основных существовавших в отечественной науке концепций (учений) о законе.

Все их можно свести к двум теориям: материальной и формальной. Последняя, сложившаяся на рубеже XX в., является господствующей в отечественном правоведении, суть ее — в игнорировании сущностных и содержательных аспектов закона. Наиболее показательно формальная концепция закона может быть проиллюстрирована словами ее сторонника В.В. Ивановского, который в конце XIX в. писал: «Содержание закона или его материальная сторона для сущности закона не имеет значения и потому может быть разнообразного характера. Сказать, что закон должен иметь какое-либо определенное содержание, что он должен, например, устанавливать или регулировать правоотношения, это значит ставить государственную власть в известные пределы, приурочивать выражение государственной воли к определенным предметам, ограничивать, следовательно, государственный суверенитет и впадать, таким образом в логическое противоречие»¹. Закон есть выражение государственной воли, резюмирует автор².

В логике формальной концепции — провозглашение полной свободы и неограниченности законодательной власти в деле законотворчества, отрицание возможности судебного контроля законов на предмет их конституционности: за основными законами отрицается правовой характер, например у Г.Ф. Шершеневича и того же В.В. Ивановского. «Если нормы права выражают собой требования, обращенные государственной властью к подчиненным ей, то правила, определяющие устройство и деятельность самой государственной власти, не могут иметь правового характера», — пишет Г.Ф. Шершеневич. «Государственная власть не подчинена праву, потому что требование, обращенное к самому себе под угрозой, не имеет никакого значения. В действительности государственная власть находится под санкцией общественного мнения, и этим правила ее деятельности переносятся в сферу

¹ Ивановский В.В. Новые учения о законе // Юридическая летопись. 1892. Т. 10. С. 211, 213; Он же. Учебник государственного права. Казань: Б.и., 1909. С. 132.

² См.: Там же. С. 211.

морали»³. Обязательность законов, по формальной теории, обеспечивается принудительной силой государства.

В рамках формальной концепции складывается конституционное понимание закона как акта высшей юридической силы, принятого высшим органом государства (органом народного представительства) в заранее установленном порядке и определенной форме. Развитие конституционного понимания закона отражало реальные процессы демократизации европейских государств и стремления русских либерально настроенных мыслителей обосновать необходимость ограничения абсолютной монархии в России на рубеже XX в. и введения конституционного представительного правления. Несмотря на тот факт, что конституционалистами руководили довольно прогрессивные намерения, а именно: стремление ограничить исполнительную власть, поставить ее под контроль законодательного учреждения и тем самым, по мнению конституционалистов, обеспечить правовой характер государственности, они внесли большой вклад в обоснование и утверждение формальной, а впоследствии волюнтаристской теории закона⁴.

Ведь сущность формальной концепции конституционное понимание закона не меняет. Формальная трактовка закона, включая конституционное понимание, является непоследовательной, неизбежно эволюционируя в волюнтаристскую, что наиболее показательно иллюстрируется советской юридической наукой, характеризующей закон как выражение «воли (произвола) господствующего класса», «воли (произвола) народа», «государственной воли общества», которые на деле сводятся к воле лиц, осуществляющих функции законодательства. Достойным продолжателем формальной теории закона, развившим ее до полного логического завершения, стал К.А. Архиппов, которому принадлежит работа «Закон в советском государстве» и ключевая идея о тотальной обусловленности учений о законе социально-политической практикой. Его учение наибо-

лее адекватно социально-политической обстановке советского времени и последовательно. Важная заслуга К.А. Архиппова — обоснование концепции закона, полностью отражающей и оправдывающей советскую действительность, отсюда полное отрицание какого-то определенного содержания закона, сведение его к воле правящего класса и, следовательно, отрицание формальных признаков закона (принятия его только законодательным органом). Собственно советская доктрина закона обосновано может быть названа волюнтаристской, что может подтвердить другой крупный исследователь советского закона Ю.А. Тихомиров: «Все издаваемые в стране правовые акты являлись выражением воли трудящихся и были направлены на достижение целей диктатуры пролетариата»⁵.

Яркой чертой формальной теории закона выступает его апологетика. Закон рассматривается как практически единственная форма права, все положительное право сводится к законодательству, закон признается высшей и наиболее совершенной формой права, орудием прогресса, имеющим воспитательное значение. «Высшая форма права — закон, — писал В.Ф. Залеский, — отличается безусловной принудительностью (исключая случаи фактической невозможности принуждения и технического несовершенства его организаций); ясностью, точностью и определенностью своих требований; наивысшей степенью целесообразности, какую только можно потребовать от цвета интеллигенции данного народа; и высшей степенью прогрессивности, так как эта форма права не только может быстро изменять свое содержание соответственно изменяющимся требованиям жизни, но и оказывает во многих случаях несомненно благотворное влияние на общество, имеет воспитательное значение, является орудием прогресса как приспособление общества к внешним условиям жизни»⁶. XX в. в полной мере покажет все возможности и преимущества закона как высшей и наиболее прогрессивной формы для выражения произвола.

Причины апологетики закона, как и формализации его понятия, в значительной мере лежат

³ См.: Шершеневич Г.Ф. Определение понятия о праве // Ученые записки Казанского университета. 1896. № 6. С. 129; Он же. Общая теория права. Вып. 1. М.: Изд. Бр. Башмаковых, 1911. С. 206; Лукьянова Е.Г. Интерпретация закона в учениях Н.М. Коркунова и Г.Ф. Шершеневича // История государства и права. 2012. № 21. С. 31–35.

⁴ Формальное конституционное понимание закона отстаивали в отечественной науке такие ученые, как В.М. Гессен, Н.И. Лазаревский. Закон в его формальных признаках: принятие органом народного представительства и преимущественная сила перед актами правительства — условие формирования правового государства, по В.М. Гессену. Он позволяет обеспечить верховенство и полноту законодательной власти как представительной и подзаконность правительственной власти. Однако законодательствующее государство у В.М. Гессена ничем не связано, законодательная власть как представительная и выражающая общую волю ничем не ограничена. См.: Гессен В.М. Теория правового государства // Политический строй современных государств. Т. I. СПб.: Тип. акц. об-ва «Слово», 1905. С. 132.

⁵ Тихомиров Ю.А. Теория закона. М.: Юрид. лит., 1982. С. 15. В советской литературе о волевом (волюнтаристском) характере советского закона писали также А.Ф. Шебанов: «Нормативная природа социалистического закона обусловлена его классовым, волевым содержанием» (См.: Шебанов А.Ф. К вопросу о предмете социалистического закона // Труды ВЮЗИ. Т. 28: Проблемы дальнейшего развития социалистической демократии М.: ВЮЗИ, 1972. С. 138), Ц.А. Ямпольская: «При посредстве закона, содержащего общеобязательные нормы, воля господствующего класса (а в общенародном Советском государстве — воля всего народа) становится государственной волей» (См.: Ямпольская Ц.А. К вопросу о понятии закона в советском праве // Советское государство и право. 1946. № 10. С. 12), М.В. Цвик (См.: Цвик М.В. Цвик М.В. Советский закон: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Харьков, 1952. С. 4, 5).

⁶ Залеский В.Ф. Власть и право. Философия объективного права. Казань: Тип. Б.Л. Домбровекого, 1897. С. 293.

в плоскости интересов государственной власти. Этого со всей определенностью не понимали русские конституционалисты, отстаивавшие формальное понимание закона, воодушевленные проведением в жизнь принципа господства права. И со всей определенностью понимал в начале XX в. Ю.С. Гамбаров, который писал, что учение о всесиили закона, то есть о единоличном его господстве в праве, было порождено немецким государственным абсолютизмом в XIX в., в период его упадка, именно тогда ему потребовалось призвать себе на службу юриспруденцию, породив тем самым формально-догматическую методологию. Позже представление о законе как единственном и наиболее эффективном источнике права было поддержано интересами нарождающегося полицейского или бюрократического государства, «с точки зрения которого всякое право есть только приказ государственной власти, обращенный к самой бюрократии для направления ее деятельности или в сущности — уполномочения ее на бесправие»⁷. Остается сказать, что столь продолжительное господство формального понятия закона свидетельствует обо все еще подчиненном положении юридической науки.

Однако в истории человечества и политико-правовой мысли, включая российскую, доминировали иные воззрения на закон — материальные, связанные с попытками очертить содержание закона и раскрыть его сущность. Закон в материальном понимании выступает формой или видом права, трактуемым абсолютно как самостоятельная и независимая сущность (истина), раскрывающаяся в виде справедливости, свободы и равенства, более конкретно: в виде правил, определяющих равную и справедливую меру свободы людей в обществе. Правила, определяющие равную и справедливую меру свободы лица в обществе, по существу своему могут иметь только общий характер. Отсюда общность закона как его материальный признак.

Если акт, исходящий от государственной власти содержит положения, не являющиеся правовыми, то есть не относящиеся к праву или правонарушающие, то такой акт, не может именоваться законом в данном законопонимании, а напротив, называется беззаконием. Принятие неправовых или незаконных актов обуславливает практические последствия особого рода — признание таких актов недействующими и не подлежащими применению, что, в свою очередь, требует наличия специального социально-правового института, осуществляющего эту функцию. Данный социальный институт получил название конституционной юстиции. Историческая практика формирования и развития конституционной

юстиции свидетельствует о фактическом стремлении к обеспечению материального (правового) содержания закона.

От иных форм или видов права закон в материальной концепции отличается характером своего образования: создание закона происходит целенаправленно, в относительно короткие сроки, специальными субъектами и на будущее. Для того чтобы гарантировать правовой характер создаваемого акта, субъекты и процедура его создания обставляются рядом требований, которые могут быть относительно разными в разных странах и в разное время, но смысл их один — они выступают формальными гарантиями обеспечения правового характера акта, именуемого законом. Разработанные человечеством формальные гарантии обеспечения правового характера акта, получающего название закон, выступают как формальные его признаки. Формальные признаки закона, как, впрочем, форма любого явления, относительны, придание им абсолютного значения неправильно теоретически и практически нецелесообразно.

В вышеописанном понимании закон разрабатывается в рамках естественно-правовой теории. Например, ее рационалистическая версия (XVII–XVIII вв.) связывает понятие закона с естественными правами и свободами человека, закон воплощает их, защищает от посягательств свободу человека. А для русского законовещения характерно раскрытие содержания закона через понятие «правда», которое в русском языке означает одновременно истину и справедливость (равенство). «Власть верховная (законодательная), — пишет М.М. Сперанский, — посредством законов возвещает правду и долг ее в порядке общежительном»⁸. Такую же мысль высказывает другой выдающийся русский законовед К.А. Неволлин: «Закон по существу своему есть 1) вообще правда <...> 2) определенной образ бытия правды в существах к ней способных, суть обязанности и права; почему обязанности и права составляют определеннейшее содержание закона. Для этого содержания закон 3) служит формой»⁹. Правда у Б.Н. Чичерина, раскрывающаяся через начало справедливости и равенства, — это разумное начало которым руководствуется законодатель, разграничивая области свободы отдельных лиц»¹⁰.

Смысл закона как одной и на определенном этапе развития общества наиболее совершенной формы права — обеспечить общественное признание права и противодействовать произволу.

⁸ Сперанский М.М. Руководство к познанию законов. СПб.: Наука, 2002. С. 53.

⁹ Неволлин К.А. Энциклопедия законовещения. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1997. С. 33.

¹⁰ См.: Чичерин Б.Н. Философия права // Чичерин Б.Н. Избр. тр. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1997. С. 70.

⁷ Гамбаров Ю.С. Задачи современного правоведения // Журнал Министерства Юстиции. 1907. № 1. С. 10.

В силу ряда причин, лежащих как внутри теории естественного права, а в большей части — вне ее, естественно-правовая теория во второй половине XIX в., а несколько позднее и материальная концепция закона подверглись острой критике. Возникает и распространяется позитивизм, объявляющий недоступными для понимания существенные аспекты явлений и фокусирующийся на познании внешних, формальных сторон явлений, а с ним и формальная теория закона. Но естественно-правовые идеи долгое время и довольно прочно интегрированы в позитивистские учения, подтверждением чему является признание многими позитивистами (соответственно, сторонниками формальной концепции закона) общего характера закона как его материального признака.

Развитие концепций закона (как и любых идей человечества) всегда и везде было связано с тенденциями общественного развития, как минимум по той причине, что предмет этих концепций — условие общественного развития. Связь эта — не односторонняя обусловленность идей социально-политической ситуацией, как считалось в марксистской философии, а — циклическая детерминация. Не только идеи определяются действительностью, но и действительность определяется идеями. Прав был Б.Н. Чичерин: «История управляется идеями и объясняется только ими»¹¹. Где сознание остановилось на известной точке, там и жизнь остается неподвижной¹². И правы славянофилы всех поколений, борющиеся с влиянием западных идей и концепций и их отвергающие, ссылаясь на то обстоятельство, что они не соответствуют российской действительности. Все они понимают, что последовательное распространение в России западных идей рано или поздно трансформирует российскую действительность. «Наука стала неотъемлемой и наиболее важной частью нашей цивилизации, а научная деятельность теперь понимается как непосредственный вклад в развитие цивилизации», — писал в XX в. классик науки М. Борн¹³.

Практическая ценность социальной доктрины заключается в ее критической и конструктивистской функциях (потенциале) в отношении социальной практики. Критика практики, всех ее форм — одна из задач науки, которой внутренне присуще критическое отношение ко всему существующему, в том числе к своим собственным достижениям¹⁴. Критический (нормативный,

деонтологический, оценочный) характер материальной теории закона вытекает из признания существенных и содержательных аспектов закона, то есть его материальных признаков, выступающих в качестве критерия оценки наличного законодательства и законодательной деятельности как правовых или неправовых.

Формальная теория, явившаяся результатом использования эмпирических (позитивистских) методов изучения правовой реальности как реакции на идеалистическую философию с ее деонтологическим (нормативным) характером, претендует на онтологический статус, отождествляя сущее с должным. Закон есть пустая форма для выражения чьей-то воли, потому что таким он должен быть. Критика социальной практики, отталкиваясь от формальной (волютаристской) теории закона, вряд ли возможна. В связи с этим правильно писал Э.В. Кузнецов о политической подоплеке позитивистской школы права, в методологических рамках которой развивалась формальная теория закона: «Появление нового направления в праве было связано со стремлением буржуазии создать стабильную правовую систему»¹⁵.

Однако практическая сторона формальной теории отсутствием критического потенциала не исчерпывается. Иначе вряд ли она была бы разработана и эффективно поддерживаема властью и большинством. Во-первых, формальная теория оправдывает волютаристскую практику, отождествляя фактическое с нормальным. Во-вторых, формальная теория закона сыграла в конце XIX — начале XX в. прогрессивную роль, акцентируя внимание на формальных признаках закона, которые с точки зрения материальной теории служат гарантией правового содержания закона. Дело в том, что в период развития позитивизма и формальной теории закона в конце XIX в. естественно-правовая теория была подвергнута забвению и критике, позитивистский формальный подход к изучению социальных явлений, в том числе правовых, стал своего рода модой и, в силу стечения исторических обстоятельств, большую роль в обосновании формальных признаков закона сыграли сторонники формальной теории. Однако в обосновании необходимости формальных признаков закона всегда присутствовала идея обеспечения определенного содержания закона.

Конструктивистский потенциал учения о законе, как и любой социальной теории, заключается в формировании соответствующей идеологии и мировоззрения, распространяющихся в общественном сознании и оказывающих большее или меньшее влияние на социально-полити-

¹¹ Чичерин Б.Н. Наука и религия. М.: Республика, 1999. С. 146.

¹² См.: Там же.

¹³ Борн М. Моя жизнь и взгляды. М.: Прогресс, 1973. С. 38.

¹⁴ См.: Федотова В.Г. Основные исследовательские программы социальных и гуманитарных наук // Философия науки. Методология и история конкретных наук. М.: Канон+, 2007. С. 296.

¹⁵ Кузнецов Э.В. Философия права в России. М.: Юрид. лит., 1989. С. 110.

ческую практику и общественное развитие. Формальные теории, порожденные в определенной мере политическим волюнтаризмом, и ведут к нему, оправдывая его в социально-политической практике и игнорируя материальные (объективные) аспекты закона, в конечном счете обуславливают стагнацию общественного развития. Напротив, предъявляя определенные требования к содержанию закона, законоведческая доктрина будет, несомненно, способствовать повышению правового качества законодательной деятельности и в какой-то мере изменению характера и направлений общественного развития. Поэтому авторитарные и тоталитарные (волюнтаристские) режимы боятся плюрализма идеологий и доктрин и запрещают те из них, которые направлены на критику волюнтаризма. Именно такой характер имеет материальная (естественно-правовая) теория закона, интерпретирующая закон не как чье-либо произвольное установление, а как вполне определенное правовое установление. Практический потенциал материальной (естественно-правовой) концепции закона — один факторов развития законодательной деятельности в частности и государственно-правового развития России в целом.

Влияние законоведческой доктрины на правовую идеологию (правовое сознание) и через нее на практическую законодательную деятельность и продукт этой деятельности — законодательство — обуславливает еще одну сторону практической ценности учения — экономическую. На экономическую ценность научного познания было обращено пристальное во второй половине XX в. В юридической науке известна и исследуется связь качественного законодательства и экономики, экономические эффекты и последствия принятия и действия законов, причем законов содержащих правовые нормы, тогда как неправовые нормативные акты государства несут отрицательные последствия для экономического развития¹⁶. Принятие же правовых нормативных актов в государства — законов — это требование и результат применения материальной концепции закона.

Материальная концепция закона, опирающаяся на идеи справедливости, свободы и равенства и отрицающая волюнтаризм в законодательной деятельности государства, обуславливает такие качества законодательства и законодательной деятельности, как предсказуемость, определенность, стабильность, эффективность, несет, помимо явного экономического, и широкий социальный эффект в виде стабильного предсказуемого социального развития, формируя атмосферу доверия и сотрудничества в обществе. Нормы и требования

к законодательной деятельности, предъявляемые в рамках материальной теории закона, составная часть социального капитала — норм и ценностей общества, делающих возможным и эффективным сотрудничество внутри него.

Однако при всем практическом значении в современном обществе научного знания, роль науки не следует преувеличивать. Задача социальной теоретика и социальной науки сегодня — это не только производство нового знания, дающего новые возможности и эффективные практические последствия, но и разрушение фиктивных ожиданий обиденного сознания от сферы управления¹⁷. Представление о всемогуществе науки и ее конструктивистского потенциала преувеличено, и такое преувеличение вряд ли полезно. Наука имеет дело с идеализированными объектами, их онтологизация, то есть отождествление с реальностью, может привести к социальным неудачам. Реальные объекты существуют в реальной противоречивой и сложной действительности, в которой действуют люди, происходят процессы, мешающие реализации теоретических установок. Непротиворечивость абстрактных теорий подменяется непротиворечивостью реальных объектов, а противоречия реальных процессов истолковываются как недостаток теории, ее неспособность их преодолеть¹⁸. Материальные представления о законе никогда не претендовали на абсолютную реализацию их в действительности (за что и были собственно критикованы конкурирующей теорией), но всегда были способны ее улучшить.

Список литературы:

1. Альбов А.П. О понятиях и категориях в философии и теории права (или что отличает науку от мнений в науке) // Российский журнал правовых исследований. 2014. № 4 (1). С. 46–60.
2. Борн М. Моя жизнь и взгляды. М.: Прогресс, 1973. 176 с.
3. Гамбаров Ю.С. Задачи современного правоведения // Журнал Министерства Юстиции. 1907. № 1. С. 49–82.
4. Гессен В.М. Теория правового государства // Политический строй современных государств. Т. I. СПб.: Тип. акц. об-ва «Слово», 1905. С. 117–187.
5. Залеский В.Ф. Власть и право. Философия объективного права. Казань: Тип. Б.Л. Домбровекого, 1897. 314 с.
6. Ивановский В.В. Новые учения о законе // Юридическая летопись. 1892. Т. 10. С. 198–213.
7. Ивановский В.В. Учебник государственного права. Казань: Б.и., 1909. 500 с.
8. Кацапова И.А. Современные проблемы правоведения в контексте социальной роли права // Российский журнал правовых исследований. 2014. № 4 (1). С. 24–31.
9. Кузнецов Э.В. Философия права в России. М.: Юрид. лит., 1989. 208 с.
10. Лапаева В.В. Современное состояние и перспективы российской теории права и государства. Часть 2 // Российский журнал правовых исследований. 2015. № 1 (2). С. 9–18.
11. Неволлин К.А. Энциклопедия законоведения. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1997. 400 с.
12. Познер Р.А. Экономический анализ права: в 2 т. Т. 1. СПб.: Эконом. шк., 2004. 522 с.

¹⁶ См.: Познер Р.А. Экономический анализ права: в 2 т. СПб.: Эконом. шк., 2004.

¹⁷ См.: Федотова В.Г. Указ. соч. С. 296.

¹⁸ См.: Там же. С. 295.

13. Сперанский М.М. Руководство к познанию законов. СПб.: Наука, 2002. 680 с.
14. Тихомиров Ю.А. Теория закона. М.: Юрид. лит., 1982. 256 с.
15. Федотова В.Г. Основные исследовательские программы социальных и гуманитарных наук // Философия науки. Методология и история конкретных наук. М.: Канон+, 2007. С. 285–305.
16. Цвик М.В. Советский закон: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Харьков, 1952. 16 с.
17. Чичерин Б.Н. Наука и религия. М.: Республика, 1999. 495 с.
18. Чичерин Б.Н. Философия права // Чичерин Б.Н. Избр. тр. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1997. С. 16–211.
19. Шебанов А.Ф. К вопросу о предмете социалистического закона // Труды ВЮЗИ. Т. 28: Проблемы дальнейшего развития социалистической демократии М.: ВЮЗИ, 1972. С. 138–145.
20. Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. Вып. 1. М.: Изд. Бр. Башмаковых, 1911. 805 с.
21. Шершеневич Г.Ф. Определение понятия о праве // Ученые записки Казанского университета. 1896. № 6. С. 1–49.
22. Ямпольская Ц.А. К вопросу о понятии закона в советском праве // Советское государство и право. 1946. № 10. С. 7–15.

The teachings of the law: the practical value

Lukyanova E.G.,

PhD in Law,

associate professor senior researcher

Institute of state and law, Russian Academy of Sciences

E-mail: lukelena@mail.ru

Abstract. *The article attempts to show the role of the social doctrine of, for example, of the doctrine of the law, in the development of state and society. Shows critical and constructivist potential of formal and substantive conceptions of the law, developed in the Russian law.*

Keywords: *theory of law, the concept and features of the law, the formal theory of law, material theory of law*

References:

1. Al'bov A.P. O ponjatijah i kategorijah v filosofii i teorii prava (ili chto otlichaet nauku ot mnenij v nauke) // Rossijskij zhurnal pravovyh issledovanij. 2014. № 4 (1). S. 46–60.
2. Born M. Moja zhizn' i vzgljady. M.: Progress, 1973. 176 s.
3. Gambarov Ju.S. Zadachi sovremennogo pravovedenija // Zhurnal Ministerstva Justicii. 1907. № 1. S. 49–82.
4. Gessen V.M. Teorija pravovogo gosudarstva // Politicheskij stroj sovremennyh gosudarstv. T. I. SPb.: Tip. akc. ob-va «Slovo», 1905. S. 117–187.
5. Zaleskij V.F. Vlast' i pravo. Filosofija ob'ektivnogo prava. Kazan': Tip. B.L. Dombrovekogo, 1897. 314 s.
6. Ivanovskij V.V. Novye uchenija o zakone // Juridicheskaja letopis'. 1892. T. 10. S. 198–213.
7. Ivanovskij V.V. Uchebnik gosudarstvennogo prava. Kazan': B.i., 1909. 500 s.
8. Kacapova I.A. Sovremennye problemy pravovedenija v kontekste social'noj roli prava // Rossijskij zhurnal pravovyh issledovanij. 2014. № 4 (1). S. 24–31.
9. Kuznecov Je.V. Filosofija prava v Rossii. M.: Jurid. lit., 1989. 208 s.
10. Lapaeva V.V. Sovremennoe sostojanie i perspektivy rossijskoj teorii prava i gosudarstva. Chast' 2 // Rossijskij zhurnal pravovyh issledovanij. 2015. № 1 (2). S. 9–18.
11. Nevolin K.A. Jenciklopedija zakonovedenija. SPb.: Izd-vo SPbGU, 1997. 400 s.
12. Pozner R.A. Jekonomicheskij analiz prava: v 2 t. T. 1. SPb.: Jekonom. shk., 2004. 522 s.
13. Speranskij M.M. Rukovodstvo k poznaniju zakonov. SPb.: Nauka, 2002. 680 s.
14. Tihomirov Ju.A. Teorija zakona. M.: Jurid. lit., 1982. 256 s.
15. Fedotova V.G. Osnovnye issledovatel'skie programmy social'nyh i gumanitarnyh nauk // Filosofija nauki. Metodologija i istorija konkretnyh nauk. M.: Kanon+, 2007. S. 285–305.
16. Cvik M.V. Sovetskij zakon: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Har'kov, 1952. 16 s.
17. Chicherin B.N. Nauka i religija. M.: Respublika, 1999. 495 s.
18. Chicherin B.N. Filosofija prava // Chicherin B.N. Izbr. tr. SPb.: Izd-vo SPbGU, 1997. S. 16–211.
19. Shebanov A.F. K voprosu o predmete socialisticheskogo zakona // Trudy VJuZI. T. 28: Problemy dal'nejshego razvitiya socialisticheskogo demokratii M.: VJuZI, 1972. S. 138–145.
20. Shershenевич G.F. Obshhaja teorija prava. Vyp. 1. M.: Izd. Br. Bashmakovyh, 1911. 805 s.
21. Shershenевич G.F. Opredelenie ponjatija o prave // Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. 1896. № 6. S. 1–49.
22. Jampol'skaja C.A. K voprosu o ponjatii zakona v sovetskom prave // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. 1946. № 10. S. 7–15.